

В.Т. Чшиев

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: hacht@mail.ru.

Некоторые примечательные артефакты некрополя Фаскау у с. Галиат Республики Северная Осетия-Алания

Аннотация. В статье рассматриваются археологические материалы известного некрополя кобанской культуры Кавказа Фаскау, примечательные с точки зрения их функционального и ритуального назначения.

Ключевые слова: некрополь Фаскау, кобанская археологическая культура Кавказа, предметы вооружения и votivные, символические артефакты материальной культуры древнего населения Кавказа.

Vladimir T. Chshiyev

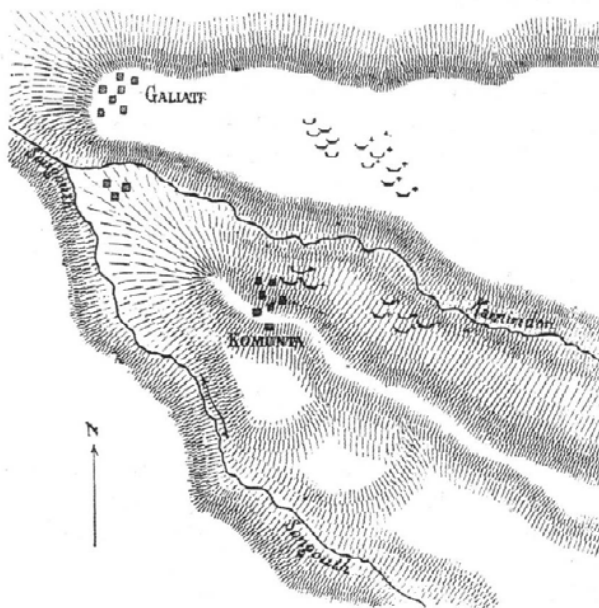
Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, Ph.D., Russia, Vladikavkaz, e-mail: hacht@mail.ru.

Some notable artifacts of the Faskau necropolis near the village Galiat, Republic of North Ossetia-Alania

Abstract. The article deals with the archaeological materials of the famous Faskau necropolis of the Koban culture of the Caucasus, which are noteworthy in terms of their functional and ritual purpose.

Keywords: the Faskau necropolis, the Koban archaeological culture of the Caucasus, weapons and votive items, symbolic artifacts of the material culture of the ancient population of the Caucasus

Древний некрополь, вошедший не только в «золотой фонд» исторических источников России, но и мира под названием «Фаскау», находится в горной части РСО-А, в Ирафском районе республики, у с. Галиат (илл. 1). Памятник получил свое наименование от названия местности, на которой расположен (отметим, что иногда в литературе для этого могильника встречается и название «Галиат» – по названию села, у которого он расположен). «Фаскау» дословно с осетинского языка переводится как «позади селения», «за селением» [10, с. 432]. Вот как описывала эту местность известный российский археолог П.С. Уварова в 1900 году: «Могильник Фаскау занимает откос от подошвы до вершины высокой отвесной горы, выдвинувшейся в том месте, где проходит слияние Дунке-дона с Голиат-доном. Некоторые могилы уложены прямо в грунте, другие представляются в виде каменных ящиков, которые покрывают гору до самого ее гребня, увенчанного развалинами замка, до подошвы» [8, с. 271]. В последней трети XIX и в начале XX веков в музейные коллекции Москвы, Санкт-Петербурга, Тифлиса, Вены, Берлина, Будапешта и др. и в частные коллекции стали поступать бронзовые предметы кобанской культуры с паспортом «Фаскау» и «Галиат». Таким образом, этот затерянный в труднодоступном уголке Кавказских гор, в глубине Уаллагкомского ущелья Осетии-Иристана замечательный памятник обогатил не только главные музеи России – Государственный исторический музей в Москве

Илл. 1. Могильник Фаскау (Галиат) (по Э. Шатр, 1885)

и Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, но и ведущие мировые музеи. Эти материалы были выкопаны в окрестностях с. Галиат в вышеописанной местности Фаскау в ходе грабительских раскопок, проводившихся, большей частью, местными жителями. В 80-е гг. XIX в. здесь были проведены небольшие раскопки В.Л. Тимофеевым и известными московскими археологами С.А. и П.С.

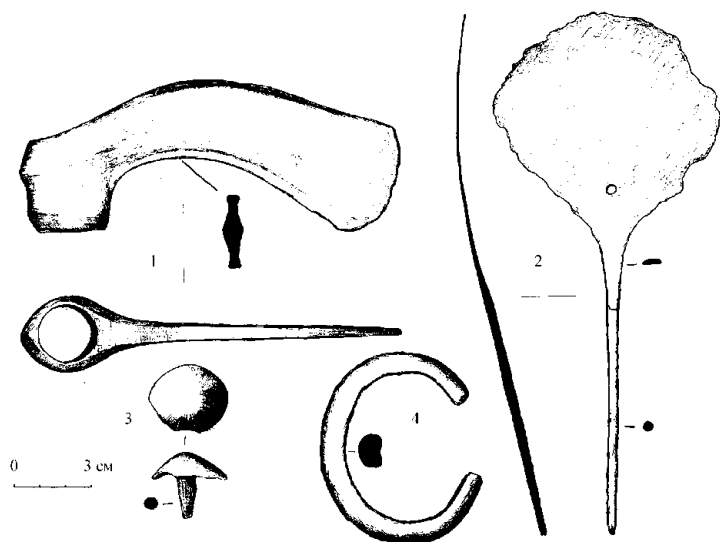
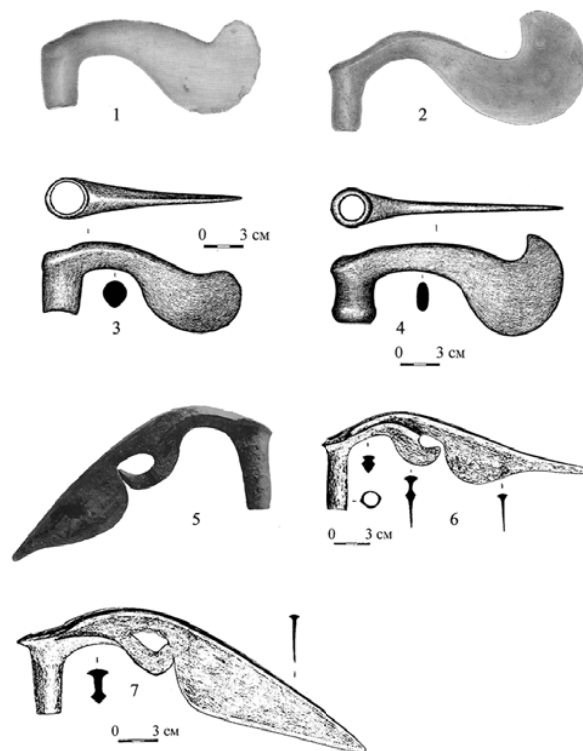

Рис. 2. Адайдонский могильник (Нижний Зарамаг).
Инвентарь погребения № 4 (бронза)

Уваровыми [8, с. 271–273]. В 1935 г. в р-не Фаскау археологические изыскания с целью выявить точное местонахождение и характер погребального обряда этого ставшего уже к этому времени широко известным, наряду с Кобанским могильником, памятника провела экспедиция московского Государственного исторического музея под руководством Е.И. Крупнова. В результате работы экспедиции Е.И. Крупнова было уточнено местонахождение могильника. Памятник находится на отроге, омываемом р. Комидон, перед слиянием с р. Сонгутидон, на двух террасах, спускающихся к реке. Погребения могильника тянулись рядами по склону, вдоль течения р. Комидон. Однако ни одного неогрabenного и неразрушенного экспедицией Е.И. Крупнова погребения в результате этих раскопок найдено не было, и погребальный обряд этого интересного памятника остается до сегодняшнего времени неустановленным с достаточной точностью. Тем не менее существенную помощь в определении обрядности памятника дают сведения раскопок В.Л. Тимофеева, проводшего здесь небольшие археологические исследования в конце XIX в. По его и П.С. Уваровой свидетельству, «могильник изрыт местным населением беспощадно и таким безобразным образом, что всякая проверка делается почти невозможной. Счастливее других оказался В.Л. Тимофеев, который обследовал местность по поручению Императорского Московского Археологического Общества и после долгих усилий нашел несколько нетронутых погребений [8, с. 271]. Захоронения были произведены в «каменных ящиках», построенных из крупных сланцевых плит. Погребальный инвентарь этих захоронений, а также другие находки, происходящие из грабительских раскопок этого некрополя и находящиеся в зарубежных и российских музеях с пометкой «Фаскау» (топоры-секиры, навершия булав, наконечники копий, наконечники дротиков,

кинжалы, ножи, шилья, серп, пряслица, удила, псалии, колокольчики, бляхи для украшения ремней, украшения и аксессуары костюма: булавки, фибулы, поясные пряжки, подвески, привески, серьги, браслеты, гривны, пуговицы и пр.), свидетельствует, что могильник датируется серединой 2 тыс. до н. э. – VI в. до н. э. или, как и расположенный относительно недалеко Верхнерутхинский, – серединой 2 тыс. до н. э. – V в. до н. э. и в плане культурной атрибуции относится к кобанской археологической культуре. Эти же находки свидетельствуют о том, что могильник в Фаскау относился к числу наиболее крупных на Кавказе погребальных памятников. Только в Берлинском музее хранится коллекция из более чем 1 000 предметов, происходящих из могильника Фаскау. Материалы из Фаскау имеются и в фондах Венского музея естественной истории, в чем нам удалось убедиться лично, во время работы с коллекциями этого музея.

Примечательной категорией инвентаря некрополя Фаскау являются бронзовые парадно-боевые и ритуальные топоры-секиры. Многочисленность их в данном памятнике и большое разнообразие форм этих предметов в ряду других могильников кобанской культуры послужили основанием для

Илл. 3. Бронзовые топоры-секиры. 1, 2, 5 – Фаскау (Галиат); 3, 4, 6, 7 – Адайдон (Нижний Зарамаг)

С.Н. Корневского, разработавшего свою ставшую уже классической классификацию втульчатых топоров Северного Кавказа на основе находок из Фаскау [4, с. 20]. Это многочисленные экземпляры под наименованием от группы типа Фаскау 1 до группы типа Фаскау 8 [4, с. 20–30], что лишнее подтверждает богатство и разнообразие этого интереснейшего памятника древности. В ряду этих предметов своей причудливой формой выделяется секира-алебарда, или клювовидная секира.

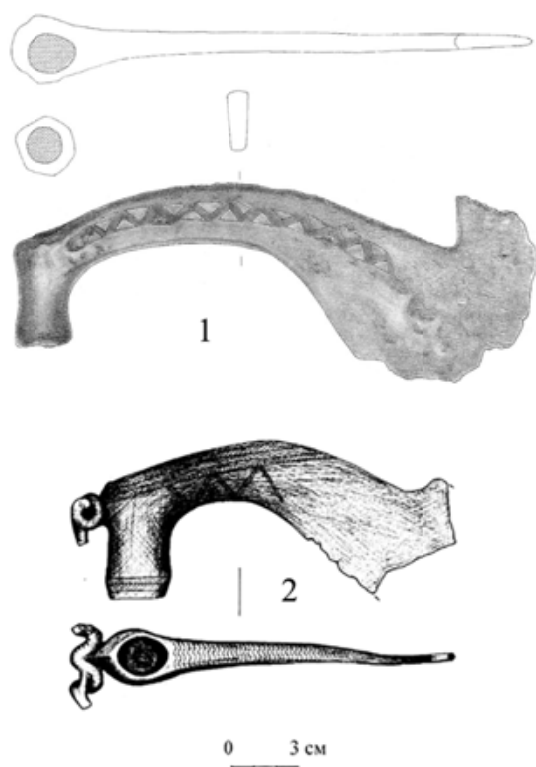
Это бронзовые предметы, сочетающие топор-секиру и клевец. Согласно классификации С.Н. Корневского, они составляют «Группу 2,16. Топоры с круглым отверстием, ножевидным клином, пикообразным лезвием (тип Фаскау 6) (илл. 3, 5–7). Всего С.Н. Корневским учтено 14 экземпляров в этой группе. 12 найдено в Северной Осетии, из них десять – в могильнике Фаскау [4, с. 29, рис. 7, 12, 14–16, 19–21], а также три экземпляра из коллекции ГИМ №№ 21630 – 22183 и у с. Кобан (рис. 7, 17) и 1 – без точного места обнаружения в Северной Осетии (рис. 37, 18)». Близкий экземпляр происходит из хутора Шантуки на р. Белой недалеко от г. Майкопа [4, с. 29, рис. 7, 13]. Один экземпляр известен на сегодня и в Закавказье, в Земо-Сванетии, в Брильском могильнике. С.Н. Корневский справедливо, на наш взгляд, объединяет в группе Фаскау 6 и экземпляры с крюком в нижней части лезвия, на «брюшке» секиры, и экземпляры без такового. Мы считаем, что это оправданно, и экземпляры без крюка – простое упрощение того же типа секир. По поводу назначения, или, может быть, смысловой нагрузки крючка на «брюшке» предметов, Сергей Николаевич Корневский пишет: «Его предназначение не ясно» [4, с. 30]. По нашим сведениям, две такие секиры известны в коллекции Берлинского музея, одна – Венского и три – в ГИМе. Можно добавить, что по итогам наших раскопок в Зарамагской котловине в 2006–2009 гг., в ранних гробницах Адайдонского некрополя топоры-секиры типа Фаскау 6 нередки, насчитывают вместе с фрагментами этих предметов около десятка. При этом надо отметить нахождение в гробницах Адайдона как боевых, или функциональных, секир этого типа, так и вотивных (илл. 3, 6–7).

К началу XXI века наибольшая, в процентном соотношении, часть находок подобных секир на территории Осетии была известна из памятников западной части центрального варианта кобанской культуры – Дигории, западной части Северной Осетии. Ни в центральной части Осетии, ни на юге Осетии находок данного типа за всю более чем полутора-вековую историю развития кобанской археологии Кавказа не обнаружено. Тем более интересной представляется достаточно многочисленная серия находок клювовидных секир в гробницах Адайдонского могильника, как отмечалось выше, расположенного в центральной части Северной Осетии, в верховьях Алагирского ущелья, найденных в результате наших раскопок этого памятника в 2006–

2009 гг. Сочетающие в себе формы двух предметов – топора-секиры и клевца, клювовидные секиры Кавказа давно привлекают внимание исследователей-кавказоведов. Е.И. Крупнов относит время бытования клювовидных секир ко второй половине 2 тыс. до н. э. [5, рис. 27, 33]. С.Н. Корневский датирует время бытования клювовидных секир (или топоров с ножевидным клином, как называет их исследователь) эпохой средней бронзы Кавказа [4, с. 39]. В.И. Козенкова относит секиры данного типа к первому этапу периода Кобан 1 (период Кобан 1, А) [3, с. 90–91, 114–115]. Таким образом, секиры, по ее мнению, находятся во временном диапазоне с начала XIV – до середины XIII в. до н. э., т. е. датируются начальным этапом позднебронзовой эпохи Кавказа.

При изучении подобных предметов древности, имеющих столь необычную, сложную морфологию, непременно встает вопрос об их назначении. Анализ имеющихся у нас на руках экземпляров клювовидных секир из Адайдонского могильника показал весьма определенно, что функционально они делятся на два типа: 1 – оружие или функциональные предметы; 2 – предмет вотивного, ритуального назначения. Секиры, относимые к первому ряду, представлены предметами бо́льших размеров и массивности, чем вторые, с явно выраженным подтреугольного сечения ребром жесткости на спинке секир и укреплением, усилением, утолщением их амортизационных зон. Второй тип клювовидных секир представлен рядом экземпляров меньших размеров, с тонкими лезвием, клином и втулкой. Также первые экземпляры, как правило, изготовлены из металла хорошего качества (большей твердости), а вторые – из более рыхлой и хрупкой бронзы. Тяжелая, массивная боевая, или, другими словами, функциональная клювовидная секира из гробницы № 56 Адайдонского некрополя (илл. 3, 7.) была снабжена деревянной рукоятью длиной 80 см. Без сомнения, пробивная способность подобной секиры превосходила все известные нам типы топоров эпохи средней бронзы – начала поздней бронзы Кавказа и проникала через защитные доспехи того времени. Напротив, парадная, вотивная, символическая клювовидная секира из гробницы № 91 (илл. 3, 6) Адайдонского некрополя была значительно меньших размеров, значительно более тонкая, чем вышеописанная.

Наконец, еще одна функция для этого рода предметов, на наш взгляд – ритуальная. Т. е. в данном случае массивные клювовидные секиры могли выполнять функцию орудия ритуального убийства или ритуального заклания жертвенных животных или людей. И отсюда же вытекает их необычная форма, на наш взгляд символизирующая грифона или какое-то другое подобное хищное мифологическое существо. Возможно, именно с этим связано относительно небольшое количество находок клювовидных секир. Владеть такого рода предметом могли вожди или жрецы, или вожди-жрецы, так как известно, что

Илл. 4. Бронзовые топоры-секиры: 1 – Фаскау (Галиат); 2 – Адайдон (Нижний Зарамаг)

для эпохи древности такое «совмещение функций» было весьма распространено.

Для уточнения датировки клювовидных секир важно нахождение вместе с ними в закрытых комплексах Адайдонского могильника топоров типа 2,17 и 2,18 (по классификации С.Н. Корневского). Предметы первой группы (по-другому – тип Фаскау 7) характеризуются круглым отверстием, загнутым, крюкообразным клином и, в некоторых случаях, скульптурным изображением головы барана на обухе или спинке [4, с. 30, рис. 8].

Повторимся, что для разграбленных могильников кобанской культуры с разрозненным, разобщенным археологическим материалом, к числу которых относится и Фаскау, комплексы Адайдонского некрополя выступают в роли своеобразного хронологического и типологического «камертона». Отметим, в данном ключе, что в гробнице № 91 Адайдонского некрополя, вместе с вышеописанными типами клювовидных секир и топоров находились бронзовые булавы с дисковидным навершием и отверстием в их нижней части (илл. 2, 2). Аналогичные булавы находились в комплексе клада бронзовых предметов в местности Джизи и комплексах Эгикальского могильника [6, с. 329; 7, с. 130, рис. 7, с. 134, рис. 11], в двух ранних погребениях (№ 42 и 29) Тлийского могильника [9, с. 10, рис. 7, 2, 5, с. 11, рис. 8, 3], среди материалов из раскопок в Нули и Квасатали [1, сс. 63, 76, 77,

табл. 111, 51–53, табл. IV, 64). 20]. Т. о., указанный тип булавок, с некоторыми вариациями, известен в памятниках Центрального Кавказа, датируемых с XVI по XI в. до н. э. При этом находки из тлийских погребений 29 и 42 отнесены Б.В. Теховым к самым ранним в хронологическом ряду. Материалы могильника Эгикале датируются В.И. Марковиным также в пределах середины – начала второй половины – конца II тыс. до н. э. [6, с. 328]. Материалы из Нули и Квасатали Ц.Н. Абесадзе датирует серединой II тыс. до н. э. [1, сс. 62–63]. Из других датирующих предметов, найденных в комплексах с клювовидными секирами Адайдонского могильника, важное значение имеет присутствие птицевидных блях с головой барана в верхней части [11, с. 288, рис. 13, 11. 20]. Бронзовые «птицевидные» бляхи данного типа, кроме Северной Осетии, известны на Кавказе только в одном памятнике – Брильском могильнике (Рача). Ранее они были обнаружены исключительно в кобанских памятниках Дигории (9 из Фаскау (Галиат) и 2 из В. Рутхи) [8, с. 220]. Одна из Адайдонских блях в точности повторяет экземпляр из Кумбулты (Верхней Рутхи), опубликованный П.С. Уваровой [8, таб. XCIII, 1]. В.И. Козенкова и А.П. Мошинский относят время бытования и топоров типа Фаскау 7, и птицевидных блях к одному хронологическому периоду – протокобанскому переходному, т. е. к началу второй пол. 2 тыс. до н. э. [3, с. 91, рис. 34, 37–38].

На сегодняшний день в Закавказье, в отличие от Северного Кавказа, известны лишь единичные случаи находок клювовидных бронзовых секир. Эти находки происходят из горной Сванетии, как уже отмечалось, из Брильского могильника и относятся Э.М. Гогадзе к эпохе средней бронзы с датой – середина 2 тыс. до н. э. [2, илл. XXX]. В целом датировка рассматриваемых клювовидных секир, на наш взгляд, укладывается в промежуток с середины 2 тыс. до н. э. до XIII в. до н. э., возможно, с омоложением, до первой половины XII в. до н. э. При этом массивные экземпляры, имевшие практическое применение, предшествуют, вероятно, votивным, ритуальным.

С учетом географии и количественного распространения клювовидных секир представляется правомерным помещение центра возникновения данного типа предметов в высокогорные районы Центрального Кавказа. Откуда они, преимущественно, распространились к северу от Главного Кавказского хребта. В целом можно констатировать, что данные предметы в подавляющем количестве случаев происходят из памятников северной группы центрального варианта кобанской культуры. Большое количество находок подобных предметов в высокогорной зоне Северной Осетии позволяет сделать вывод о том, что именно центральная часть Осетии была местом их массового, если это слово подходит для такого рода неординарных предметов, производства. Район Рачи и, вероятно, в целом Сванетии, безусловно, входил в

зону распространения и использования вещей описываемого типа, однако кавказская археология за более чем полувековую историю своего существования знает лишь небольшую серию предметов из этого региона. В то время как на небольшой территории западной и центральной части Северной Осетии (Фаскау, Кумбулта, Адайдон, В. Кобан) мы имеем более десятка таких находок. В то же время до проведения обширных археологических работ в высокогорных районах к югу от Главного Кавказского хребта данный вопрос не может считаться окончательно решенным.

Добавим, что этим же временем датируется

еще один тип бронзовых секир – тип Фаскау 7 (по классификации С.Н. Корневского), – широко представленных и в материалах Фаскау, и в комплексах Адайдонского некрополя (илл. 3, 1–4; илл. 4).

Таким образом, материалы новых памятников кобанской культуры, исследованных в последние годы [11; 12], позволяют уточнить хронологию и значение раскопанных в конце XIX – начале XX в. без научной методики артефактов. Большое количество подобных замечательных находок составляют материалы такого интересного и обширного некрополя, как Фаскау.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абесадзе Ц.Н. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 1. – Тбилиси, 1974.
2. Гогадзе Э.М. Хронология памятников колхидской культуры эпохи средней бронзы и некоторые вопросы культурной атрибуции вариантов общеколхидской культуры эпохи ранних металлов // В сб. Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси: «Мецниереба», 1991 г.
3. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – Москва, 1996.
4. Корневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981.
5. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 23. – Москва-Ленинград, 1951.
6. Марковин В.И. 1994. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М., 1994.
7. Ростунов В.Л. Природно-климатические условия и заселение горной зоны Центрального Кавказа в эпоху энеолита – средней бронзы // МИАСК, вып. 3. Армавир.
8. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. – МАК, вып. VIII. – М., 1900.
9. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М., 1977.
10. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Владикавказ: Ир, 2010. 623 с.
11. Чшиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии. Археология Северной Осетии. Часть 1. – Владикавказ, 2007.
12. Чшиев В.[Х].Т. 2012. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии / Отв. ред. С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2012. Т. 1. С. 53–88.

REFERENCES

1. Abesadze Cz.N. K istorii medno-bronzovoj metallurgii trialetskoj kul'tury` // Restavraciya, konservaciya, tehnologiya muzejny`x e`ksponatov. T. 1. – Tbilisi, 1974.
2. Gogadze E`M. Xronologiya pamyatnikov kolxidskoj kul'tury` e`poxi srednej bronzy` i nekotory`e voprosy` kul'turnoj atribucii variantov obshhekolxidskoj kul'tury` e`poxi rannix metallov // V sb. Kavkaz v sisteme paleometallicheskich kul'tur Evrazii. – Tbilisi: «Meczniereba», 1991 g.
3. Kozenkova V.I. Kul'turno-istoricheskie processy` na Severnom Kavkaze v e`poxu pozdnej bronzy` i v rannem zheleznom veke (uzlovye`e problemy` proisxozhdeniya i razvitiya kobanskoj kul'tury`). – Moskva, 1996.
4. Korenevskij S.N. Vtul'chaty`e topory` – oruzhie blizhnego boya e`poxi srednej bronzy` Severnogo Kavkaza // Kavkaz i Srednyaya Azija v drevnosti i srednevekov`e. – M., 1981.
5. Krupnov E.I. Materialy` po arxeologii Severnoj Osetii dokobanskogo perioda // Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR. Vy`p. 23. – Moskva-Leningrad, 1951.
6. Markovin V.I. 1994. Severo-vostochny`j Kavkaz v e`poxu bronzy`. // Arxeologiya. E`poxa bronzy` Kavkaza i Srednej Azii. Rannaya i srednyaya bronza Kavkaza. – M., 1994.
7. Rostunov V.L. Prirodno-klimaticheskie usloviya i zaselenie gornoj zony` Central'nogo Kavkaza v e`poxu e`neolita – srednej bronzy` // MIASK, vy`p. 3. Armavir.
8. Uvarova P.S. Mogil'niki Severnogo Kavkaza. – MAK, vy`p. VIII. – M., 1900.
9. Texov B.V. Central'ny`j Kavkaz v XVI–X vv. do n. e`. – M., 1977.
10. Czagaeva A.Dz. Toponimiya Severnoj Osetii. – Vladikavkaz: Ir, 2010. 623 s.
11. Chshiev X.T. Pamyatniki kobanskoj kul'tury` na territorii Severnoj Osetii. Arxeologiya Severnoj Osetii. Chast' 1. – Vladikavkaz, 2007.
12. Chshiev V.[X].T. 2012. E`poxa pozdnej bronzy` – rannego zheleza Severnoj Osetii. Kobanskaya kul'tura // Istoriya Osetii / Otv. red. S.A. Ajlarova, A.G. Kuchiev. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOIGSI im. V.I. Abaeva, 2012. T. 1. S. 53–88.